

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2017 г. Е. Н. Карташова
г. Воронеж, Россия

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗА ДЕВУШКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. М. ШУКШИНА

Аннотация: Существует много работ, посвященных изучению языка произведений В. М. Шукшина, однако характер как один из аспектов образа героя художественного произведения, в частности женский характер, до сих пор не подвергался описанию с лингвистических позиций. Нами рассматриваются особенности репрезентации образа девушки в прозе В. М. Шукшина. Большое внимание уделяется связи этого образа с русским фольклором. На основании лексико-семантического анализа прозы В. М. Шукшина, а также привлечения русских фольклорных текстов устанавливается, что главными чертами, отличающими девушек в произведениях писателя, являются скромность, застенчивость, нежность, нравственная и физическая сила, красота.

Ключевые слова: образ, характер, русский фольклор, русская женщина, черты характера, девушка.

Информация об авторе: Елена Николаевна Карташова — ассистент, Воронежский государственный технический университет, Московский пр., д. 14, 394026 г. Воронеж, Россия. E-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Дата поступления статьи: 24.01.2017

Дата публикации: 15.09.2017

Творчество В. М. Шукшина играет огромную роль в осмыслении русской культуры. В. И. Коробов пишет: «Он ведь уже ощущал себя именно русским, национальным художником. <...> И разве не русский национальный характер или отдельные его черты стремился передать Шукшин во многих своих произведениях! Разве не о современной ему России, ее проблемах и ее людях страстно говорят едва ли не каждая страница его публицистики, его фильмы, его роли!.. Шукшин — и навсегда уже — “прописан” только в одном месте — в России, в русском народе!» [10, с. 78]. Через призму его произведений можно рассмотреть все тонкости загадочной русской души, понять особенности национальной культуры. Об уникальности писательского таланта Василия Макаровича пишет в своей работе «Проза В. Шукшина» В. А. Апухтина: «Шукшинское слово, богатое интонационно, воспринимается нами как бы озвученным, оно точно воспроизводит смену психологических состояний действующих лиц, пластично очерчивая облик, духовный строй персонажей. Можно сказать, что слово, чья роль многофункциональна, в значительной мере создает необходимую форму рассказа, повести, романа. <...> В своих художественных исканиях Шукшин преобразовывал жанры, открывая их новые возможности и резервы. <...> В обманчиво простой форме нашли свое выражение подлинное искусство перевоплощения, умудренное знание, артистизм» [1, с. 51].

С огромным уважением относится В. М. Шукшин к русской женщине: «Я не склонен ни к преувеличениям, ни к преуменьшениям национальных достоинств русского человека, но то, что я видел, что привык видеть с малых лет, заставляет сказать: столько, сколько может вынести русская женщина, сколько она вынесла, вряд ли кто сможет больше, и не приведи судьба никому на земле столько вынести. Не надо» [22, с. 629].

Автор подчеркивает незаурядные душевные качества русской женщины, с удивительной точностью подмечает особенности ее характера: «Умеет радоваться наша хорошая русская женщина. Легче жить, когда в доме такая вот умная, терпеливая, “незряшная”... Такой и пожаловаться не грех: поймет ли, не поймет, а все легче станет. Где и не поймет, так чутьем угадает, что тебе тяжело, и уже равнодушной не останется. Главное, не стыдно будет, что пожаловался» [20, с. 324].

Национальный характер русской женщины очень интересен для изучения, ведь женщина играет важную роль в русской культуре. Большое внимание женскому русскому характеру уделяли философы, историки, культурологи. Исключительные нравственные качества русской женщины отмечал Ф. М. Достоевский: «В нашей женщине все более и более замечается искренность, настойчивость, серьезность и честь, искание правды и жертва; да и всегда в русской женщине все это было выше, чем у мужчин. <...> Женщина настойчивее, терпеливее в деле; она серьезнее, чем мужчина, хочет дела для самого дела, а не для того лишь, чтоб казаться» [9, с. 189].

В произведениях В. М. Шукшина представлено многообразие женских персонажей, среди которых немало молодых девушек. Их образы наделены определенными чертами, имеющими связь с русским фольклором.

Необходимо отметить близость В. М. Шукшина к фольклору. Л. Т. Бодрова подчеркивает: «Василий Шукшин как художник и гражданин позиционировал себя “выразителем крестьянства” и постоянно демонстрировал неотрывность от корней народных, от народной культуры. По его высказываниям, по его книгам видно, что он не “точечно” и не изредка обращается к архетипическим сюжетам, мотивам и образам фольклора. Не подлежит сомнению, что фольклорно-литературное взаимодействие здесь основано на глубинном, тотальном проникновении в народную культуру, в переосмыслении и отталкивании от нее. Такой фольклоризм обеспечивает показ жизни нации, народа не со стороны, а изнутри. <...> Являясь сам носителем фольклора, он делает его ведущим в психобиографической составляющей стратегии текста» [4, с. 44–45].

Русское народное творчество интересовало В. М. Шукшина с детства. Рассказы матери, Марии Сергеевны Куксиной-Шукшиной, оказали огромное влияние на будущего писателя. Ее личность сама по себе была уникальна. «При страшных испытаниях, выпавших на ее долю, она сохранила удивительное самообладание, душу живую и, не получив образования, тем не менее успешно освоила народную мудрость и основы традиционной культуры, эмоциональную память» [4, с. 51].

В. М. Шукшин говорил, что писать рассказы он учился именно у матери, сумевшей передать ему всю красочность, «сочность» русской народной речи, неповторимую искрометность народного юмора, простоту и накопленную веками мудрость, заключенную в сказках, песнях, пословицах и поговорках [22, с. 629]. В произведениях русского фольклора запечатлено мировосприятие народа, его морально-нравственные ценности. Значение произведений В. М. Шукшина огромно, поскольку через них транслируется традиционный, самобытный жизненный опыт русского народа. Сам писатель призывал нас: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения

такие человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброту. Мы из всех исторических катастроф вынесли и сохранили в чистоте великий русский язык, он передан нам нашими дедами и отцами. Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание не отдавай всего этого за понюх табаку» [22, с. 647].

Необходимо не только бережно хранить наше культурное наследие, но и извлекать из него полезную информацию. З. Е. Фомина подчеркивает: «Изучение пословичного корпуса позволяет установить национально и культурно обусловленные приоритеты в выборе глобальных философских, религиозных, культурных понятий, используемых разными этносами в качестве метазнаков, в качестве метаязыка в целях отражения своего мировидения» [16, с. 42].

Итак, пословицы о девушке отмечают ее смирение, терпение, скромность: «Смиренье — девичье ожерелье; Девичье терпенье — жемчужно ожерелье» [8, с. 523]; «От слова девка брусвянеет» (брусвянеть — краснеть, алеть, багроветь) [8, с. 133]; «Не берись, девка, за лапту» (т. е. будь скромна); «Хорошо гостит девка, а и того лучше дома сидит»; «Всяк бы про девку слышал (ведал), да не всяк бы ее видел»; «Чего девушка не знает, то ее и красит»; «У доброй девки ни ушей, ни глаз»; «У девушки нрав косою закрыт, уши золотом завешаны» [7, с. 274–275]; «У девки уши золотом завешаны — не слышит, не понимает непристойных речей» (о драгоценной скромности, защищающей от нескромных слов [11, с. 916].

У Шукшина в описании характера девушек встречаются такие черты, как скромность и застенчивость. Они выражаются посредством лексем: *покраснела, стыдно, стыд*, словосочетаний *занялась румянцем, розовая от смущения*. «Хорошая, — сказала Валя. И чуть покраснела от взгляда Владимира Семеныча» [19, с. 48], «Вале было ужасно стыдно, но она хотела преодолеть этот стыд» («Владимир Семенович из мягкой секции») [19, с. 48]; «Марья занялась румянцем во всю щеку. Смотрела в пол» («Любавины») [20, с. 91]; «И стыд, и ласка, и упрек, и одобрение, и что-то еще невыразимо прекрасное, робкое, отчаянное было в ее взгляде» [21, с. 33], «То есть замуж? — спросила Элла и покраснела. Она стояла около стола, розовая от смущения, старательно снимала белыми пальчиками соринку с платья» («Степкина любовь») [21, с. 33].

В книге «Юности честное зерцало», которая была издана в 1717 г. и представляла собой «набор этикетных правил и базовых норм, которыми должны руководствоваться в жизни молодые дворяне мужского и женского пола» [6, с. 108], очень большое внимание уделяется такому качеству девушки, как стыдливость: «Добродетель, пристойная девицам, есть стыдливость <...> Стыдливая девица не только в лице краснеет, но и стыдливые имеет уши. Устрашится, когда бесстыдное слово услышит, как легкомысленные издевки и скверные песни, суцая девица потупит лицо свое, как бы она того не разумеет, или, встав, отходит далее» [23, с. 65]. Таким образом, в произведениях В. М. Шукшина, относящихся к XX в., воплощаются человеческие качества, издавна почитаемые русским народом.

Стремление девушки любить также отражено в русских пословицах: «Лакома овца до соли, коза до воли, а девушка к новой любви» [8, с. 523]; «Что шелкова ленточка к стенке льнет (девица к парню)» [8, с. 646].

В произведениях Шукшина девушки полны нежности, любви, они очень ласковые. Эта черта репрезентируется с помощью лексем *ласковые, ласково, ласка*: «Смотрела серыми дерзкими глазами ласково, точно гладила по лицу ладошкой» («Любавины») [20, с. 17]; «Какой же вы молодой! Милый... — говорила она и смотрела на Ленку ла-

сково, точно гладила по лицу ладошкой» [21, с. 95], «...вдруг она придвинулась к нему вплотную, взяла его голову в свои мягкие ласковые руки...» («Ленька») [21, с. 98].

В русских народных песнях и сказках девушки наделены небывалой красотой. «Возле реку, возле реку на крутом берегу, на крутом берегу стоял же тут, стоял же тут нов высок терем. В том терему, в том высоком жила девица да раскрасавица» [12, с. 359], «Засмотрелся добрый молодец на ее красоту неописанную, на ее тело белое, отуманила его любовь горячая, не выдержал и поцеловал королеву в уста сахарные. От того пробудилась красная девица...» («Волшебный конь») [2, с. 25]; «Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать» («Волшебное кольцо») [2, с. 37].

Красота девушек подчеркивается и в поговорках: «Девичья коса — на всю Москву краса», «Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде» [7, с. 274].

Молодежь в произведениях Шукшина красива и сильна. Сила эта не только физическая, внешняя, но и внутренняя: они надежны и не отступают перед трудностями. Такая черта характера девушек, как сила, акцентуируется посредством лексем *сильная, крепкая, крепко, сильно, здорово, тяжелую, широкие, рослая, круглоликая, румяная* (признак здоровья — «кровь с молоком», т. е. здоровый, цветущий, с хорошим цветом лица, с румянцем [17, с. 214]), а также с помощью лексического повтора: «Ты сильная, Ольга, сильная. Вот ты — сильная. И красивая...» [19, с. 123], «Вошла рослая, крепкая, юная женщина. Она, как видно, искупалась, и к ее влажному еще телу местами прилипло легкое ситцевое платье — и это подчеркивало сколь сильно, крепко, здорово это тело» («Приезжий») [19, с. 123]; «Анна, рослая, скуластая, добрая» [19, с. 465], «Сильная Нюра чуть покачивалась — вправо-влево, вправо-влево — в такт, как двигались руки, и под белой кофточкой с цветочками шевелились ее широкие лопатки» («Гена Пройдисвет») [19, с. 465]; «Из горницы вышла девка в пестром ситцевом платье — крепкая, легкая на ходу, с маленькой, гордо посаженной головой» [20, с. 14], «Настя спокойно поднялась, положила тяжелую руку на сухое Пашкино плечо» («Любавины») [20, с. 347]; «Была в их селе девка Марья Ермилова, красавица, круглоликая, румяная, приветливая...» («Осенью») [22, с. 139]. Красота репрезентируется лексемами *красивая, красавица*.

В образе шукшинской девушки присутствуют и такие черты, как сходство с ребенком (инфантилизм), чистота, доверчивость. Сходство с ребенком репрезентируется посредством словосочетаний *как ребенок, с детской улыбкой*: «Маленькая полненькая девушка спала, раскинув по подушке белые полненькие руки. Ротик приоткрыт, к нижней губе пристала пушинка <...> «Как ребенок», — подумал Серега с нежностью» («Внутреннее содержание») [21, с. 384]; «Марья сидела у стола в синеньком ситцевом платье <...> она снизу с детской ясной улыбкой вопросительно глядела на него» («Любавины») [20, с. 62]; чистота выражается лексемами *ясные, ясная, зеленовато-чистые, чистые*: «В дверь заглянула маленькая опрятная головка. Пара ясных глаз с припухшими со сна веками» («Воскресная тоска») [21, с. 128]; «Элочка вдруг резко подняла голову, глянула на Степана зеленовато-чистыми глазами» («Степкина любовь») [21, с. 33]; доверчивость — с помощью лексем *верит, наивная*: «Ей, дуре, пока она молодая, неси не стыдись самые дурацкие слова — верит; старой — скажи, попробуй про самую свою нечаянную думу, — сам моментально дураком станешь» («Земляки») [21, с. 491]; «Он вдруг увидел, что девушка перед ним милая и наивная» («Медик Володя») [19, с. 404].

Необходимо отметить, что в описаниях девушек автор часто использует суффиксы субъективной оценки. Таким образом, подчеркивается хрупкость героинь, их

детская беззащитность, нежное отношение к ним: «Но именно это, что она похожа на куколку, на изящную куколку, необъяснимым образом влекло и подсказывало, что она же — женщина, способная сварить борщ и способная подарить радость, которую никто больше не в состоянии подарить, то есть она женщина, но к тому же изящная, как куколка» («Страдания молодого Ваганова») [19, с. 374]; «Смотрела серыми дерзкими глазами ласково, точно гладила по лицу ладошкой» («Любавины») [20, с. 17]; «Какой же вы молодой! Милый... — говорила она и смотрела на Леньку ласково, точно гладила по лицу ладошкой» («Ленька») [21, с. 95]; «Будет там эта курносенькая хохотушка, учительница немецкого языка» («Шире шаг, маэстро!») [19, с. 163]; «Уколы делала сестричка, молодая, рослая, стеснительная, очень приятная на лицо, то и дело что-то все краснела» («Психопат») [18, с. 100]; «Она стояла около стола, розовая от смущения, старательно снимала белыми пальчиками соринку с платья» («Степкина любовь») [21, с. 33]; «Маленькая полненькая девушка спала, раскинув по подушке белые полненькие руки. Ротик приоткрыт, к нижней губе пристала пушинка...» («Внутреннее содержание») [21, с. 384], «В дверь заглянула маленькая опрятная головка» («Воскресная тоска») [21, с. 128].

Именно детская чистота, наивность, непосредственность являются главными украшениями девушек в прозе В. М. Шукшина. Они прекрасны в своей природной, первозданной красоте, которой чужды вульгарность, грубость, вызывающие краски.

Автор с юмором относится к эмансипированным девушками с подстриженными волосами, в брюках, с сигаретой, иногда отказывая им в женском имени, лишает их принадлежности к женскому полу: такова журналистка А. Сильченко, героиня рассказа «Гринька Малюгин»: «И тотчас в палату вошла девушка лет двадцати трех. В брюках, накрашенная, с желтыми волосами — красивая. <...> На другой день Гриньке принесли газету, где была небольшая заметка о нем. Называлась заметка “Мужественный поступок”. Подпись: “А. Сильченко”» [22, с. 119]; «Леля откинула со лба короткие волосы. — Ему этот факт выйдет боком, — серьезно сказала она. — Сигаретка есть у кого-нибудь?» («Леля Селезнева с факультета журналистики») [21, с. 151].

Внимание автора к прическе героинь не случайно. На Руси девушкам нельзя было отрезать волосы: «Остричь девку, отрезать косу, считается позором» [8, с. 348]. Подстриженную девушку шутливо называли бесхвостой: «бесхвостая девка, шуточно, стриженная, бескосая» [8, с. 79]. С женскими волосами связано много поверий: считалось, что в них заключена некая волшебная сила. Непокрытые женские волосы, по верованиям народа, могли навредить людям или хозяйству и урожаю [13, с. 107].

Коса для девушки являлась символом ее красоты: «Природна трубчатая коса — дорогá девичья краса» [7, с. 274].

С расплетением косы связан свадебный обряд, символизирующий переход девушки в новую возрастную группу: «Волосы невесты — своего рода точка притяжения всех смыслов, которые сконцентрированы в понятии красота. Применительно к волосам отделение красоты передавалось с помощью таких ритуальных действий, как расплетение косы, ее отрезание (реальное или символическое), передача косы жениху» [3, с. 69]. Этот обряд обычно сопровождался печальными песнями девушки-невесты: «Благослови, родимая матушка и кормилец батюшка расплести мою руссу косу, развить алыя ленточки! Открасовалася моя руса коса, относила алыя ленточки!» [12, с. 331]; «Не трубушка трубит рано по зари — Аннушка плачет по русой косы, Ивановна плачет по девичьей красы: “Свет моя косынька, русая коса, вечер тебя, косынька, девушки плели и золотом русую перевивали, жемчугом русую перенизали. Как и бог судить Николы Ивановича: прислал ко мне сваху немилостивую, не милостивую, не жа-

лосливу: взяла мою косыньку рвать, порывать, золото на косыньке все изорвала, жемчуг на русой весь рассыпала» [12, с. 383].

Итак, В. М. Шукшину ближе традиционный образ «красной девицы», скромной и нежной, запечатленный в русском фольклоре.

Нельзя не отметить важность изучения антропонимического пространства в шукшинской прозе. Оно представляет огромный интерес для исследования. Л. Н. Верховых в своей статье «Фамилии с диалектной основой в лексико-семантическом аспекте» подчеркивает: «Изучение антропонимического пространства является одним из продуктивных видов научной деятельности, позволяющим не только выявить многогранные связи в современной лингвосистеме, но и воспроизвести национальный элемент языковой картины мира» [5, с. 88]. Имена девушек в произведениях Шукшина часто указывают на особенности их характера. По мнению Л. Т. Бодровой выбор имени (реально-бытового и одновременно условно-литературного) и точное «попадание» в суть характера через яркую языковую формулу задает тон повествованию, делает ключевым ядро характера [4, с. 240]. Шукшин выделяет среди девушек с распространенными, каноническими именами, например, Анна (Нюра), Марья («Любавины», «Осенью», «Гена Пройдисвет»), Валя («Брат мой», «Владимир Семенович из мягкой секции»), героинь, чьи имена отличаются от характерного для творчества писателя ономастикона: Элла (Элочка) («Степкина любовь») из Воронежа, в которую влюбился незадачливый Степан, Тамара из Владимира, разбившая сердце Ленке («Ленька»), гордая Майя Якутина («Страдания молодого Ваганова»). Имя Майя имеет три источника происхождения: 1. Русс. нов. связывается с майскими праздниками; 2. Греч. Имя богини матери Гермеса; 3. Инд. Имя матери Будды, легендарной царицы [14, с. 310]. Фамилия Якутина не исконно русская, производная от скандинавского личного имени Након, [15, с. 80]. Таким образом, автор подчеркивает возвышенность и отчужденность героини. Оппозиция имени и фамилии героини (Майя — тепло, Якутия — холод) отражает поведение девушки: она то отдаляется от главного героя, выйдя замуж за талантливого физика, то вновь приближает его, присылая письмо с просьбой приехать. Не случайно с этими девушками связана тема несчастной любви героев-мужчин.

Девушки в произведениях В. М. Шукшина скромны, застенчивы, ласковы, по-детски незащитны. Их облик наполнен нравственной и физической силой и красотой. Проза Шукшина транслирует русские народные представления о том, какой должна быть девушка. Образ молодой женщины, будущей жены и матери, овеян ореолом скромности, чистоты. Народные традиции изображения русской незамужней женщины, нашедшие свое отражение в жанрах русского народного фольклора, воплотились в образе девушки, представленном в произведениях В. М. Шукшина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Апухтина В. А. Проза В. Шукшина: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1986. 96 с.
- 2 Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. М.: Наука, 1985. Т. 2. 463 с.
- 3 Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.
- 4 Бодрова Л. Т. Малая проза В. М. Шукшина в контексте современности. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2011. 372 с.
- 5 Верховых Л. Н. Фамилии с диалектной основой в лексико-семантическом аспекте // Вестник Воронежского ГАСУ. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2007. Вып. 1 (8). С. 87–94.

- 6 *Глебкин В. В.* От христианина к дворянину. Системы базовых ценностей «Домостроя» и «Юности честного зеркала» // Россия XXI. 2013. Вып. 4. С. 96–113.
- 7 *Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 344 с.
- 8 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880. Т. 1. 723 с. Т. 4. 723 с.
- 9 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя: в 2 т. М.: Книжный клуб 36.6, 2011. Т. 1. 800 с.
- 10 *Коробов В. И.* Василий Шукшин: Вещее слово / вступ. ст. В. Я. Курбатова. М.: Молодая гвардия, 2009. 420 с.
- 11 *Михельсон М. И.* Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных словъ и иносказаний: Посмертное издание. СПб.: Тип. Акц. Общ. «Брокгаузъ-Ефронъ», 1912. 103 с.
- 12 *Обрядовая поэзия* / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулина, А. Н. Розова. М.: Современник, 1989. 735 с.
- 13 *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* М.: Эллис Лак, 1995. 416 с.
- 14 *Суперанская А. В.* Современный словарь личных имен: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
- 15 *Унбегаун Б.* Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.
- 16 *Фомина З. Е.* Человек, пространство и культура в зеркале русских паремий // Вестник Воронежского ГАСУ. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». 2016. Вып. 2 (30). С. 42–59.
- 17 *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энциклопедия, 1968. 543 с.
- 18 *Шушкин В. М.* До третьих петухов: рассказы и повести. М.: ПРОЗАИК, 2010. 512 с.
- 19 *Шушкин В. М.* Крепкий мужик: рассказы. М.: ПРОЗАИК, 2010. 528 с.
- 20 *Шушкин В. М.* Любавины: Роман. М.: Известия, 1989. 560 с.
- 21 *Шушкин В. М.* Светлые души: рассказы. М.: ПРОЗАИК, 2010. 512 с.
- 22 *Шушкин В. М.* Собр. соч.: в 3 т. / сост. Л. Федосеева-Шукшина. М.: Мол. гвардия, 1985. Т. 2. 591 с. Т. 3. 671 с.
- 23 *Юности честное зеркало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов: печатано по велению Царского величества в Санкт-Петербурге лета господня 1717, февраля 4 дня.* СПб., 1717. 62 с.

© 2017. Elena N. Kartashova
Voronezh, Russia

THE PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE GIRLS IN THE WORKS OF V. M. SHUKSHIN

Abstract: There are many works devoted to the study of language in the works of V. M. Shukshin, however, character as an aspect of the fiction's protagonist image, in particular female one, is still not subjected to description in linguistics terms. Thus we have focused on representative features of the female protagonists in the prose of

V. Shukshin. Great attention is paid to the relationships of this image with the Russian folklore. On the basis of the lexical-semantic analysis of prose V. M. Shukshin and involvement of Russian folklore texts, the study reveals that the main features characteristic of the girls in writer's works are modesty, shyness, gentleness, moral and physical strength, beauty.

Keywords: the image, character, Russian folklore, Russian woman, character traits, the girl.

Information about the author: Elena N. Kartashova — Assistant, Voronezh State Technical University, Moskovsky av., 14, 394026 Voronezh, Russia. E-mail: elena.perceva.00@mail.ru

Received: January 24, 2017

Date of publication: September 15, 2017

REFERENCES

- 1 Apukhtina V. A. *Proza V. Shukshina. Uchebnoe. posobie* [Prose of V. Shukshin: a training manual]. Moscow, Vysshiaia shkola Publ., 1986. 96 p. (In Russian)
- 2 Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki: v 3 t.* [Russian folk tales: in 3 vols.] Moscow, Nauka, 1985, vol. 2. 463 p. (In Russian)
- 3 Baiburin A. K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture. Strukturno-semanticheskii analiz vostochnoslavianskikh obriadov* [The ritual in traditional culture. Structural-semantic analysis of East Slavonic rites]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 253 p. (In Russian)
- 4 Bodrova L. T. *Malaia proza V. M. Shukshina v kontekste sovremennosti* [Small prose of V. M. Shukshin in the context of modernity]. Cheliabinsk, Izdatel'stvo ChGPU Publ., 2011. 372 p. (In Russian)
- 5 Verkhovykh L. N. *Familii s dialektnoi osnovoi v leksiko-semanticheskom aspekte* [Names with dialectal basis in lexical-semantic aspect]. *Vestnik Voronezhskogo GASU. Seriya "Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia"*, 2007, vol. 1 (8), pp. 87–94. (In Russian)
- 6 Glebkin V. V. *Ot khristianina k dvorianinu. Sistemy bazovykh tsennostei "Domostroia" i "Iunosti chestnogo zertsala"* [From Christian to nobleman. System of basic values in "The Household Book" and "The Honourable mirror of youth"]. *Rossia XXI*, 2013, vol. 4, pp. 96–113. (In Russian)
- 7 Dal' V. I. *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda* [Proverbs and sayings of the Russian people]. Moscow, Eksmo-Press Publ., 2000. 344 p. (In Russian)
- 8 Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. St. Petersburg, Moscow, Izdanie M. O. Vol'fa Publ., 1880, vol. 1, 723 p. (In Russian)
- 9 Dostoevskii F. M. *Dnevnik pisatel'ia: v 2 t.* [Writer's diary: in 2 vols.] Moscow, Knizhnyi klub 36.6 Publ., 2011, vol. 1. 800 p. (In Russian)
- 10 Korobov V. I. *Vasilii Shukshin: Veshchee slovo* [Vasily Shukshin: the Prophetic word]. Introductory article by V. Y. Kurbatov. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 420 p. (In Russian)
- 11 Mikhel'son M. I. *Russkaia mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt" russkoi frazeologii: Sbornik" obraznykh" slov" i inoskazanii: Posmertnoe izdanie* [Russian thought and speech. One's own and strange. The experience of Russian phraseology: Collection of image words and allegories: post-mortem edition]. St. Petersburg: Tipografiia Aktsionernogo obshchestva "Brokgauz-Efron" Publ., 1912. 103 p. (In Russian)

- 12 *Obriadovaia poeziia* [Ritual poetry]. Compilation, Foreword, note, preparation of texts by V. I. Zhekulina, A. N. Rozova. Moscow, Sovremennik Publ., 1989. 735 p. (In Russian)
- 13 *Slavianskaia mifologiya. Entsiklopedicheskii slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic dictionary]. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995. 416 p. (In Russian)
- 14 Superanskaia A. V. *Sovremennyi slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [Modern dictionary of personal names: a Comparison. Origin. Writing]. Moscow, Airis-press Publ., 2005. 384 p. (In Russian)
- 15 Unbegaun B. *Russkie familii* [Russian surnames]. Moscow, Progress Publ., 1989. 443 p. (In Russian)
- 16 Fomina Z. E. Chelovek, prostranstvo i kul'tura v zerkale russkikh paremii [Man, space and culture in the mirror of Russian Proverbs]. *Vestnik Voronezhskogo GASU. Seriya "Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniia"*, 2016, vol. 2 (30), pp. 42–59. (In Russian)
- 17 *Frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Edited by A. I. Molotkova. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia, 1968. 543 p. (In Russian)
- 18 Shukshin V. M. *Do tret'ikh petukhov: rasskazy i povesti* [Till all hours: stories and novels]. Moscow, PROZAIK Publ., 2010. 512 p. (In Russian)
- 19 Shukshin V. M. *Krepkii muzhik: rasskazy* [Strong man: stories]. Moscow, PROZAIK Publ., 2010. 528 p. (In Russian)
- 20 Shukshin V. M. *Liubaviny: Roman* [Lyubaviny: A Novel]. Moscow, Izvestiia Publ., 1989. 560 p. (In Russian)
- 21 Shukshin V. M. *Svetlye dushi: rasskazy* [Bright soul: stories]. Moscow, PROZAIK Publ., 2010. 512 p. (In Russian)
- 22 Shukshin V. M. *Sobranie sochinenii: v 3 t.* [Collected works: in 3 vols.], compiled by L. Fedoseeva-Shukshina. Moscow, Mol. gvardiia, 1985. Vol. 2. 591 p. Vol. 3. 671 p. (In Russian)
- 23 *Iunosti chestnoe zertsalo, ili pokazanie k zhiteiskomu obkhozhdenniu, sobrannoe ot raznykh avtorov: pechatano po veleniiu Tsarskogo velichestva v Sankt-Peterburge leta gospodnia 1717, fevralia 4 dnia* [The honourable mirror of youth, or indication for worldly manners, collected from different authors: prints at the behest of the Imperial Majesty in St. Petersburg, the summer of the Lord 1717, Feb 4 days]. St. Petersburg, 1717. 62 p. (In Russian)